

РЭЙ ХАРТ

Пышка
для кавказца

18+

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Рэй Харт

Пышка для кавказца.

Курортный роман

<https://litres.ru/73886531>

SelfPub; 2026

Аннотация

Света ненавидит своё тело. После измены парня, с худой любовницей, она зареклась: никаких мужчин. Кавказские горы должны были стать убежищем, где можно залечить раны под шум водопада. Но в отеле есть другой постоялец. Константин — широкоплечий, темноволосый, с аккуратной небритостью и взглядом, от которого ноги подкашиваются. Он смотрит на неё так, будто она — единственная женщина на земле.

Он — разведён, богат, опасен. Она — смешливая пышка, привыкшая прятать бёдра.

Он обещает: никакой спешки. Только прогулки в горы, горячие источники и поцелуй руки. Света не верит, что такой мужчина может желать её всерьёз. Но когда остаётся последняя ночь в отеле, он заставляет её забыть все запреты.

Она возвращается в Москву с именем в сердце и без номера телефона. Но проходят недели — и у её подъезда останавливается тонированный джип. С букетом неприлично красных роз. И он выходит

Только вот бывшая жена Константина, готова размазать Свету по грязи за то, что она украла её мужа.

Рэй Харт

Пышка для кавказца.

Курортный роман

Глава 1. Прах ожиданий

Солнце плавилось над бассейном, превращая хлорированную воду в жидкое стекло. Я сидела на шезлонге, запакованная в парео, как муха в янтаре. Катя уже наматывала круги в бирюзовой глубине, её худое тело рассекало водную гладь с такой лёгкостью, что тошнота подкатывала к горлу.

Нет, я не завидовала.

Хорошо, завидовала. Белой завистью, от которой в груди разливалась та же горечь, что и в тот вечер, когда я влетела в квартиру Семена с тортом в руках.

«Блин. Только не это.»

Торт был с клубникой. Его любимый. Я заказала у той кондитерши из Инстаграма, которая делает бисквиты, которые тают на языке. Хотела порадовать. Глупая, жирная, счастливая Света с дурацкой улыбкой до ушей.

Ключ повернулся в замке бесшумно — он менял смазку месяц назад и хвастался потом, как тихо теперь закрывается дверь. Я толкнула её, скидывая туфли на каблуках прямо в прихожей. В руке шуршал пакет с десертом.

Сначала я подумала, что Семен смотрит порно.

Такое бывало. Я просто закатывала глаза, ставила чайник и ждала, пока он закончит. Но эти звуки были «слишком» настоящими. Мокрыми. Влажными. С хрипом, скрежетом, как будто кого-то душили.

Я не пошла на звук.

Моё тело замерло в прихожей, как вкопанное. Ноги приросли к паркету. В пакете с тортом что-то хрустнуло — я сжимала его так сильно, что коробка начала проминаться.

Третий стон. Семен.

Я узнала бы его выдох где угодно. Тот самый, которым он награждал меня по пятницам, когда мы занимались сексом — быстро, привычно, без света. Он даже не смотрел на меня. Говорил, что глаза закрывает от усталости.

Вот, значит, от какой усталости.

Дверь в спальню была приоткрыта на десять сантиметров. Десять гребаных сантиметров, за которыми рухнула вся моя жизнь.

Она стояла на четвереньках на нашем белье. Светлом. Новом. Я купила его на распродаже в «Икее» и гордилась, что мы теперь взрослые — с нормальным постельным комплектом, а не с тем старьём, которое Семен притащил из общаги. Блондинка. Тощая. Спина ходуном ходила, а он вцепился ей в волосы и долбил так, будто это был последний раз в его жизни.

Я смотрела на его пальцы. Те самые, что перебирали мои

волосы, когда мы смотрели фильмы. Те самые, что я держала в своей ладони, когда он болел.

В пакете хрустнуло громче.

И они замерли.

Семен посмотрел на меня через плечо. И знаете, что было в его глазах? Не страх. Не стыд. Злость. Будто это я ворвалась в чужую квартиру и испортила ему вечер.

Я смотрела на кухню, где на плите стояла чугунная сковорода. Та самая, на которой жарила ему котлеты по маминому рецепту. Воображала, как сжимаю ручку, замахиваюсь. Кладу эту муду с такой силой, что его череп трещит, как грецкий орех.

Потом я смотрела на неё. На ключицы, выпирающие из-под его пальцев. На худые лопатки. На талию, которую можно обхватить двумя ладонями.

Она была размером меньше меня. На три, нет, на четыре размера.

Торт полетел в мусорное ведро по пути к лифту. Я не плакала до тех пор, пока не зашла в кафе на первом этаже. Заказала три шарика пломбира с солёной карамелью и мороженое потекло по пальцам, пока я пыталась размазать слёзы по щекам, как идиотка, чтобы никто не видел.

Официант принёс салфетки. Милый мальчик с прыщавым лбом, наверное, студент. Он ничего не сказал, просто поставил стакан с водой и ушёл.

Я ела мороженое и думала: почему я просто не взяла ско-

вороду?

— Свет! Ты слышишь меня вообще?

Холодные капли попали на плечо. Катя вылезла из бассейна и теперь отряхивалась надо мной, как мокрый спаниель. Её волосы, бесцветные и тонкие, прилипли к вискам. Очки запотели.

— Ты в каком мире витаешь?

— В прошлом, — я поудобнее завернулась в парео. Ткань была тонкой, почти прозрачной на свету, и я чувствовала, как солнце проникает сквозь неё, щекочет кожу. — Пытаюсь забыть, зачем я вообще сюда приехала.

Катя хмыкнула, плюхаясь на соседний шезлонг. Её купальник — дешёвый, китайский, с какими-то выцветшими цветами — облепил плоскую грудь.

— Чтобы отдохнуть от работы. И от мужиков. Ты что, так и не передумала?

— Я сказала себе: никаких мужчин. — Я приподняла солнечные очки, посмотрела на неё в упор. — И я держу слово.

— Ты — дура.

— Возможно. — Я опустила очки обратно.

Катя фыркнула, достала телефон и начала листать ленту, подставляя живот солнцу. Бледная кожа уже начала розоветь, но она не замечала. Или ей было всё равно.

Я смотрела на парочку у края бассейна. Он — смуглый, с полотенцем на плече. Она — миниатюрная, с осиной талией,

в кружевном купальнике, который, наверное, стоил как моя двухмесячная зарплата. Он что-то шептал ей на ухо, а она смеялась, запрокидывая голову, и солнце целовало её шею.

Зависть скрутила кишки тугим узлом.

Не то чтобы я хотела быть ей. Мне нравилось моё тело. В сотне разных мелочей: как наливается грудь в бюстгальтере, как мужские пальцы утопают в боках, как тени скользят по изгибам, когда я прохожу мимо витрин. Нравилось. До того вечера.

А после я каждый день смотрела в зеркало и проверяла: «достаточно ли я похудела?»

Спойлер: недостаточно.

Я заказала ещё лимонад у плавно скользящего между шезлонгами официанта. Высокий стакан с мятой и льдом. Вода на зубах. Горьковато и холодно.

«Здесь хорошо,» — сказала я себе. — «Здесь горы. Здесь нет Семёна. Здесь никто не знает, что твой парень трахал ту, у которой рёбра видны и ключицы.»

— Вечером у меня свидание, — небрежно бросила Катя, не отрываясь от телефона. — Лева. Помнишь? Я вчера тебе фото показывала.

Я вспомнила. Рыжий, тощий, как рыба кость. Глаза близко посажены, улыбка лошадиная. Он работал в каком-то отеле — то ли администратором, то ли аниматором — и говорил с акцентом, от которого у меня сами собой складывались руки в молитвенном жесте.

— Поздравляю, — я сделала глоток и чуть не подавилась, когда поняла, в чём дело. — Ты его подцепила в первый же день?

— А что время терять? — Катя пожала плечами, и её позвонки выступили под кожей, как чётки. — Он классный. Весёлый. К тому же, я не собираюсь становиться монахиней из-за того, что какой-то мужик предпочёл мне куриную грудку с ножками.

Я промолчала.

Куриная грудка с ножками.

Очень смешно.

Вечером я лежала в кровати, уставившись в потолок. Номер у нас был приличный — две спальни, крошечная кухня, вид на горы. Катя сняла его со скидкой, каким-то чудом выловив горящее предложение. Сказала: «Отдохнём, как королевы». Я тогда ещё не знала, что слово «отдохнём» в её понимании значит «пересплю со всеми мужчинами в радиусе километра».

Стена была тонкой. Очень тонкой.

Я слышала каждый стон. Каждый хрип. Каждый удар чужого тела о край кровати. Лева, судя по звукам, оказался не таким уж и костлявым в постели. Или Катя умела так кричать, что создавала иллюзию.

Я натянула подушку на голову.

Закрыла глаза.

Семен не прикасался ко мне три месяца до разрыва. Три

месяца я думала, что у него стресс на работе, что он устаёт, что мы просто переходим в новую фазу отношений — без страсти, но с теплом. Три месяца я гладила его по спине по ночам, а он отодвигался на край постели.

Я почти поверила, что не хочу секса.

Почти.

Так приятно врать себе, когда правда жётся, как кислота.

Катя застонала особенно громко, и я выругалась в подушку. Спокойной ночи, Света. Твоя подруга только что кончила третий раз, а у тебя месячный запас карамельного мороженого в мини-холодильнике — единственная отрада.

Никаких мужчин, — напомнила я себе. — Ты приехала восстанавливаться, а не разбиваться заново.

С этими мыслями я провалилась в сон, где Семен догонял меня с чугунной сковородой, а я бежала, и ноги увязали в клубничном торте.

Утром Катя сидела на кухне в моей огромной футболке, потягивая кофе с таким видом, будто выиграла в лотерею.

— Ну как он? — спросила я, кидая в кружку пакетик с зелёным чаем. Глаза слипались после бессонной ночи, под ними залегли лиловые тени.

— Офигенно, — она откинулась на спинку стула, счастливая, как чеширский кот. — Ты просто не представляешь. У него язык просто...

— Катя, — я подняла ладонь. — Пожалуйста. Только не в деталях.

— А что? Ты же сама сказала, что мужики тебе не нужны. Вот я и делюсь опытом.

Перед глазами всё ещё стоял тот самый рыжий парень с зубами лошади. Нет, спасибо. Его языку я предпочла бы свою подушку.

— Рада за тебя, — я отхлебнула чай, обожглась и выругалась. — Правда. Рада.

— Слушай, — Катя подалась вперёд, её глаза за очками блестели. — А может, ты тоже кого-нибудь найдёшь? Ну, просто пообщаться. Никто тебя не заставляет под юбку сразу пускать.

— Я сказала: никаких мужчин. — Отрезала я.

— Упрямая, как ослица.

— Я предпочитаю слово «принципиальная».

Катя закатила глаза и ушла в душ. А я осталась смотреть в окно. Горы там были — огромные, зубчатые, покрытые утренней дымкой. Казалось, они дышали. Медленно, тяжело, как спящий зверь.

Я вдруг поняла, что хочу в горы. Хочу подняться так высоко, чтобы воздух резал лёгкие, чтобы всё внизу казалось маленьким и неважным. И Семён. И та блондинка с ключицами-спицами. И моя вечная гонка за чужим одобрением.

Может, в горах я вспомню, каково это — дышать полной грудью.

Через два дня я стояла у стойки регистрации, разглядыва-

вая яркие буклеты с экскурсиями. Горы. Водопады. Ущелья. Горячие источники.

Пальцы скользили по глянцевой бумаге, и я уже почти решила записаться на завтрашний тур к водопаду, когда краем глаза уловила движение.

Сначала я подумала, что мне показалось. Такое бывает — когда ты чувствуешь взгляд затылком, оборачиваешься, а там пустота.

Но здесь пустоты не было.

Он стоял слева, в трёх метрах, опираясь плечом о колонну. Солнечный свет падал через стеклянную крышу отеля, золотил его волосы — тёмные, почти чёрные, с аккуратной небритостью, которая подчеркивала линию челюсти. Он не смотрел на карту туриста. Не смотрел в телефон.

Он смотрел на меня.

Я застыла.

Буклет выпал из пальцев и шлёпнулся на стойку. Обычная бумажка, а звук показался мне выстрелом в тишине. Потому что внутри меня — в животе, в груди, под коленями — что-то зашевелилось.

Нет, не зашевелилось. Расплавилось.

Я не привыкла, чтобы на меня смотрели «так». Семен смотрел — мимо. Сквозь. В телевизор, в телефон, в тарелку с моими котлетами. Другие мужчины в метро смотрели с мгновенным интересом, который гас так же быстро, как вспыхивал, когда мой силуэт проходил мимо. А этот... Он

«видел» меня. Видел каждый сантиметр моего тела, каждую чёртову складочку, и во взгляде не было ни гадливости, ни сожаления.

Голод.

Я назвала бы это голодом.

Колени подкосились. Буквально. Я ухватила за край стойки, и администратор — миловидная девушка с пучком — наклонилась ко мне:

— Всё в порядке?

— Да, — выдохнула я, заставляя себя оторвать взгляд от незнакомца. — Да, всё... прекрасно.

Я указала пальцем на первую попавшуюся экскурсию: «Водопад Чёрных Слёз — вечерний выезд». Даже не прочитала описание.

— Записывайте. На одного.

— На сегодня, — девушка сверилась с монитором. — Да, есть места. Автобус в 18:00. Оплата на месте.

Я кивнула, сунула буклет в сумку и развернулась, молясь, чтобы ноги не подвели.

Он всё ещё стоял у колонны.

Теперь я могла разглядеть детали: широкие плечи, обтянутые чёрной футболкой с вырезом, открывающим шею. Загорелую кожу. Руки — с такими жилами, будто он гнул арматуру на завтрак. И родинка над верхней губой, которая делала его красивым по-неправильному. Не гламурно, не вылизано. Опасно.

Я прошла мимо, чувствуя его взгляд на своём затылке. На спине. На бёдрах, которые колыхались под лёгким платьем с цветочным принтом.

«Никаких мужчин, —» стучало в висках. «Никаких. Никаких. НИКАКИХ.»

Я почти поверила.

Он улыбнулся — краем губ, едва заметно — когда я поравнялась с ним.

И я ускорила шаг.

Катя в номере крутилась перед зеркалом, примеряя третье платье за десять минут. Сегодня у неё был второй вечер слевой — они собирались в какой-то местный ресторан с национальной кухней.

— Как думаешь, этот цвет мне идёт? — она вертелась, задирая подол. Бледные коленки выглядывали из-под подола смешно и трогательно.

— Ты прекрасна, — отмахнулась я, падая на кровать. Сердце всё ещё колотилось от волнения. — Кать, я сегодня записалась на экскурсию.

— На какую?

— К водопаду. Вечером.

Она замерла, поправляя очки.

— Серьёзно? Одна?

— Ты же занята. — Я пожала плечами. — А я не хочу сидеть в номере и слушать, как ты...

— Ладно-ладно, — она рассмеялась, махнула рукой. — Петрова, езжай на свою экскурсию. Фотки с водопада потом покажешь. А у меня есть занятия поинтереснее.

Она подмигнула, и я отвернулась к стене.

Занятия поинтереснее.

Интересно, она хотя бы спросила, как его зовут?

Хотя нет. Кате это было не нужно. Ей нужно было другое: руки, губы, тело. И ни капли души.

Я вдруг поняла, что завидую ей. Не телу. Не способности находить мужчин. А этой спокойной, почти животной уверенности в том, что она имеет право хотеть. Брать. Не спрашивать разрешения.

Я тоже так хотела.

Но прошло три месяца с того вечера, и моя кожа до сих пор помнила, как Семен отодвигался на край постели. Три месяца, в течение которых я трогала себя сама — быстро, стыдливо, с оргазмом, который скорее походил на чихание, чем на наслаждение.

Я боялась, что забыла, каково это — когда тебя хочет кто-то другой.

Автобус подъехал ровно в 18:00. Микроавтобус на пятнадцать мест, кондиционер дул в затылок так, что зубы сводило. Я села в середине, у окна, стараясь не думать о том, что сегодняшний вечер я проведу одна, среди незнакомцев, которые, вероятно, приехали сюда с любимыми.

Влюблённые парочки заполняли салон.

Они держались за руки, тыкали друг друга локтями, пили из одной бутылки. Я смотрела на них и чувствовала, как что-то кислое поднимается из желудка.

За два места до меня плюхнулась девушка в огромных на-ушниках и начала кивать в такт неслышимой мне музыке. Её парень остался сзади, громко обсуждая с кем-то по телефону контракт на поставку.

Все места заполнились.

Дверь закрылась.

Я опустила глаза в телефон, прокручивая ленту. Мама написала: «Как отдохнула? Солнышко, не переживай насчёт этого Семёна. Он козёл, каких поискать». Подруга с работы — два смайлика с коктейлями и вопрос: «Ну что, есть кто-нибудь?»

Я сбросила уведомление.

И вдруг воздух в салоне изменился.

Так бывает, когда в помещение входит кто-то большой. Важный. Магнит. Я подняла голову, и моё сердце прописало двойное соло, потому что в дверях автобуса стоял он.

Тот самый. Парень у колонны.

Тёмные волосы сейчас оказались чуть влажными — будто он только что вышел из душа. Футболку сменил на белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. На ногах — походные ботинки, но на нём они смотрелись так, будто он собрался не на прогулку в горы, а на завоевание мира.

Водитель что-то сказал ему, показал на свободные места.

Свободные места были только сзади.

Он прошёл мимо меня — и я снова почувствовала этот запах. Что-то древесное. Тлеющее. Опасно-сладкое.

Он сел в последний ряд, прямо за моей спиной.

Я затылком чувствовала его взгляд.

Не прикосновение. Не тепло. Электричество — это слово было слишком слабым. Скорее, тревога. Предчувствие.

«Никаких мужчин, —» напомнила я себе, сжимая телефон в потной ладони. «Ты приехала сюда не за этим.»

Автобус тронулся.

Экскурсовод — низенькая женщина в панаме — начала рассказывать о местных легендах, о том, что водопад называли Чёрными Слезами, потому что вода в нём из-за минералов отливает серебром. Я слушала вполуха, потому что каждый нерв в моём теле был натянут, как тетива.

Он смотрел.

Я знала это. Чувствовала.

Семен смотрел на меня? Нет. Никогда. Не так, чтобы я ощущала его взгляд кожей. А этот... этот жёг.

Когда автобус остановился на первой локации — обзорная площадка с видом на ущелье — я выскочила первой, пряча глаза под козырьком бейсболки.

Красота вокруг была нечеловеческой.

Горы вздымались к небу, покрытые соснами и каким-то низкорослым кустарником, пахнущим смолой и нагретым камнем. Внизу ревела река, разбиваясь о валуны в белую пе-

ну. Птицы кружили где-то высоко, почти невидимые на фоне синевы.

Я достала телефон, начала фоткать.

Кадр за кадром. Панорамы. Крупные планы цветов, растущих прямо из трещин в скалах. Где-то вдалеке — силуэт водопада, сверкающий, как расплавленный металл.

— Красиво, правда?

Голос раздался сбоку. Низкий, с хрипотцой. Я подпрыгнула и чуть не выронила телефон.

Он стоял в двух шагах, держа в руках бутылку с водой. Солнце падало ему на лицо, и я видела, как в глазах — тёмных, почти чёрных — отражаются горы.

— Очень, — я заставила себя ответить спокойно.

— Вы одна?

Я кивнула, отводя взгляд.

— Подруга не захотела?

— У неё были другие планы, — я вернулась к фото, надеясь, что он поймёт намёк и отстанет.

Он не понял.

— Давайте я вас сфотографирую, — он кивнул на водопад за моей спиной. — На фоне. Получится красиво.

Я рассмеялась. Горько, нервно.

— Вы шутите? Моя фигура не поместится в кадр.

Он не засмеялся.

Не отвёл глаза. Не сделал вид, что шутка была удачной. Просто посмотрел — медленно, от лица до колен — так, что

у меня внутри всё сжалось, а потом расплавилось.

— Не говорите глупостей, — сказал он спокойно. — У вас потрясающая фигура. Такое фото получилось бы на зависть всем.

Я открыла рот.

Закрыла.

Открыла снова.

Он уже уходил — развернулся и направился к ларьку с напитками, не дожидаясь ответа. А я стояла и смотрела на его широкую спину, на то, как рубашка обтягивает лопатки, и не могла поверить, что это вообще происходит.

«Потрясающая фигура.»

Семен называл меня «уютной». «Сладкой». «Пухленькой». Всегда с уменьшительно-ласкательными, которые заканчивались на «еньк». «Пышка». «Сладкая булочка». Я смеялась, потому что думала — это комплименты. Он любит меня «такую». Он поэтому не хочет других? Поэтому смотрит в телефон, пока я раздеваюсь?

Через минуту он вернулся и протянул мне стакан. Прохладный, с конденсатом на пластике. Внутри плескалась оранжевая жидкость с долькой лимона.

— Я не заказывала, — выдохнула я.

— Вам жарко, — он кивнул на мои щёки. — Краснеете сильно.

Не от жары я краснела.

Но стакан взяла. Потому что мои пальцы, предатели, уже

тянулись к прохладе. Потому что его взгляд — голодный, пристальный — заставлял забыть обо всех клятвах «никаких мужчин».

— Спасибо, — я сделала глоток. Сладко-кислый, с горчинкой. Гранат.

— Константин, — представился он, делая шаг ближе. Не навязчиво, не нарушая границ. Просто достаточно, чтобы я слышала его голос без напряжения.

— Света.

— Света, — повторил он, и моё имя в его устах прозвучало иначе. Весомо. Будто он пробовал его на вкус. — Откуда вы, Света?

— Из Москвы.

— Я тоже. — Он улыбнулся, и родинка над губой дрогнула. — Москвичка в горах. Что ищете?

«Себя,» — хотела сказать я. Но не сказала.

— Отдыхаю от работы. А вы?

— Отдыхаю от жизни, — ответил он просто. — Приехал на родину. У меня отец кавказец, мать русская. Нужно было впитать силу земли.

— Философски, — заметила я.

— Может быть. — Он пожал плечами. — Устал от города. От суеты. У меня своя фирма, запчасти. Япония, Китай, постоянные перелёты. В какой-то момент поймал себя на мысли, что не помню, когда последний раз просто стоял и смотрел на небо.

Я посмотрела на небо. Оно здесь было другим — глубоким, почти фиолетовым у горизонта.

— Понимаю, — тихо сказала я.

— Недавно развёлся, — добавил он после паузы. — Вот и решил... проветриться.

Я не знала, что ответить. Соболезнования? Они звучали бы фальшиво в моих устах — у меня самой грудь всё ещё болела, если я слишком долго думала о Семёне.

— Жена? — спросила я осторожно.

— Бывшая, — он посмотрел куда-то в сторону гор, и его челюсть напряглась. — Мерзкая, жадная шлюха. Изменяла мне с моим же другом, пока я в командировке был. В Китае.

Слова выстрелили сухо. Без слёз, без надрыва. Просто факт — констатированный, зафиксированный, запёртый на замок.

Я смотрела на его профиль, на то, как играют желваки, и что-то в моей груди — то самое больное, распухшее от обид — дрогнуло.

— Мне знакома эта боль, — сказала я тихо. — Я тоже недавно пережила разрыв. Мой бывший... он тоже изменил.

Константин повернул голову, посмотрел на меня в упор.

— И вы поэтому в горах?

— И поэтому тоже, — кивнула я.

На несколько секунд между нами повисла тишина. Не неловкая. Какая-то... понимающая. Как будто мы оба держали в руках осколки одного и того же разбитого зеркала и

молча рассматривали наше общее отражение.

— Пойдёмте, — сказал он, кивая в сторону тропы, которая вела к водопаду. — Я хочу вам кое-что показать.

Я пошла.

И это был первый раз за три месяца, когда я не спросила себя: «а что обо мне подумают?»

Мы проговорили весь вечер.

Оказалось, мы оба не выносим солёные огурцы в бургерах. Мы оба считаем, что лучший фильм девяностых — «Криминальное чтиво», но каждый раз спорим, кто круче — Мистер Блондин или Мистер Белый. Мы оба просыпаемся ровно в 6:30 без будильника, если ложимся до полуночи.

Константин рассказывал о своём бизнесе с иронией, вспоминал, как начинал с гаража и двух китайских контрафактных деталей. Я рассказывала о своей работе — скучной, офисной, где каждый день похож на предыдущий, а единственное развлечение — кофе-брейк с коллегой Леной, которая вечно жалуется на мужа-алкоголика.

Он смеялся моим шуткам — настоящим, громким смехом, от которого у меня внутри всё трепетало.

А когда мы возвращались обратно в автобус, он пропустил меня вперёд, положив ладонь на поясницу. Легко. Почти неощутимо.

Но я ощутила.

Пальцы. Горячие сквозь тонкую ткань платья. Пульс там, где должны быть только сантиметры.

В автобусе он сел рядом — не сзади, а именно рядом, подвинув какого-то парня с рюкзаком. Наши плечи соприкоснулись, и я снова вдохнула этот запах. Древесный, тлеющий, с нотками пота и свободы.

Он не убрал руку.

Я не отодвинулась.

Обратная дорога пролетела так быстро, будто кто-то прокрутил плёнку. Мы говорили о книгах — я любила Пелевина, он — Стругацких. О музыке — я включала «Нервы» когда грустно, он крутил «Короля и Шута» на повторе. О еде.

— Ты готовишь? — спросил он вдруг, перейдя на «ты» так естественно, будто мы знали друг друга сотню лет.

— Люблю, — я кивнула. — Особенно котлеты. Мамин рецепт.

Он усмехнулся.

— Моя бывшая не умела готовить. Считала, что это ниже её достоинства. Заказывала доставку каждый вечер, а я приходил с работы и доедал её остывший рис.

Я промолчала о сковороде. О том, как мечтала размозжить Семену череп чугунной тяжестью.

— Дура, — сказала я вместо этого.

— Кто?

— Она.

Он посмотрел на меня с удивлением, а потом улыбнулся — широко, тепло, так, что у меня ёкнуло где-то под рёбрами.

— Света, — сказал он тихо. — Ты чертовски приятный

человек.

Автобус въехал в город, фонари зажглись за окнами, и я вдруг поняла, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался. Но он закончился. Как и всё хорошее в моей жизни.

Мы вышли у отеля. Катя, наверное, уже дрыхла без задних ног после своего свидания. У её окна горел свет — значит, она ещё не вернулась.

Или уже вернулась с кем-то другим.

— Спасибо за вечер, — сказала я, не зная, куда деть руки.

— Это тебе спасибо. — Он смотрел сверху вниз — я была ниже на полголовы, несмотря на свои сто семьдесят. — Ты делаешь мир ярче, Света.

Я не нашлась, что ответить.

Он не стал ждать.

Просто коснулся моей руки — кончиками пальцев, от запястья до локтя — и ушёл.

В номер я влетела, как ураган. Скинула туфли, бейсболку, упала на кровать. Тело гудело. Каждая клетка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.